

Д.И. Эварницкий

**Запорожье в остатках
старины и преданиях народа**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.И. Эварницкий**
Запорожье в остатках старины и преданиях народа: Часть 2 / Д.И. Эварницкий –
М.: Книга по Требованию, 2015. – 344 с.

ISBN 978-5-458-35422-6

С 55 рисунками и 7 планами.

ISBN 978-5-458-35422-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Заворожи мени, волхве,
Друже сивоусый!
Ты вже сердце запечатавъ,
А я—ще боюся...
Боюся ще вогорилу
Хату руйнувати.
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховати...
Бандуристе, орле сызый!
Добре тобі, брате!
Маєшь крылы, маєшь силу
Е — козы лютаты.

Т. Шевченко.

Въ селѣ 'Чернышовкѣ живеть глубокой старикъ. Иванъ Игнатовичъ Россолода, единственный представитель павшаго Запорожья, сынъ запорожскаго козака Недоступа. По собственнымъ разчетамъ Ивана Игнатовича, ему около 116 лѣтъ, но онъ еще двигается и по хатѣ и по двору, смотритъ за маленькими дѣтьми, «доглядаетъ» телятъ. Иванъ Игнатовичъ прекрасно сохранилъ воспоминаніе о жизни запорожскихъ козаковъ вообще и о жизни своего отца въ частности. «Мій батько жили отутъ саме, де й я живу, а женились тоди, якъ уже розорили Сичу; якъ женились, то имъ було шестьдесятъ годъ; прыжили вони симъ синивъ.—дочки ни одной не було; я бувъ пидстаршимъ сыномъ у батька, и теперь уси мои браты поумирали, тилько я одинъ и зостався».

«Батько дуже довго жили, а якъ умирали, то прохали поховаты ихъ на старому кладовици ¹⁾, щобъ тутъ люде не топталысь по ихъ кисткамъ: вони знали, шо тутъ буде велике селище. Господь прививъ и мини богато на цему свити бачиты. И де я не выходывъ оцимы ногамы? Ходывъ и въ Харьковъ, ходывъ и въ Богодухивъ, и въ Ахтырку, и въ Красный-Кутъ, а въ Києви бувъ ажъ трычи, та все пишкомъ».

— А не страшно вамъ, дидусю, умирааты?

— Ни, панечку, нестрашно, нычого не страшно. Я уже давно благаю Бога: Господи, дай смерть, та тилько съ покааніемъ; на цимъ свити житы, тилько гриха набиратыця».

По разказахъ Ивана Игнатовича, онъ родилсѣ въ Никополѣ, но дѣтство и юность провелъ вмѣстѣ съ отцомъ на мѣстѣ бывшаго запорожскаго зимовника, гдѣ и теперь сидитъ хатою. Женилсѣ онъ въ полтавской губерніи, и это сложилосъ такимъ образомъ. Отправилсѣ онъ по какой-то надобности въ полтавскую губернію и тамъ въ одномъ хуторѣ увидаль «панночку», «закохавсѣ» въ нее да и женилсѣ. «Дворянка була, капитаньска дочка, и землю мала (имѣла) соби; тилько на одну ногу кривенька була, а людина добренна, розумна. Велике мени спасення видъ тыен женытбы було: тоди скризь сарана тутъ литала; повыдала хлибъ, листя на деревахъ, траву. Наставъ голодъ великий, ни въ кого хлиба нема. Такъ я було пойду до родычивъ своен жинки, наберу у ихъ гречки, хлиба, прииду до дому тай живу». Вообще о первой своей женѣ Иванъ Игнатовичъ отзывается съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Но, къ великому огорченію его, любимая имъ жена очень рано умерла (спустя шесть лѣтъ послѣ брака), оставивъ ему дочь Ирину. «Теперь мой Орини годъ висимдесять буде, якъ шо жива,—вона десь помандрувала у Чорноморію. Чувъ, шо у неи и диты булы, и шо у тихъ дитей диты;—то вже правнуки, та и одъ правнуковъ есть поколиння,—це вже прапра-

---

¹⁾ Теперь оно называется старымъ.

внуки». Овдовѣвъ послѣ перваго брака. Иванъ Игнатѣвичъ, спустя четыре года, женился вторично уже на простой крестьянкѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей и четырехъ сыновей: Якова, Самойла, Петра, Ивана, изъ коихъ старшему 53 года, а младшему 30 лѣтъ. Онъ прекрасно помнитъ еще царицу Екатерину.

«Якъ я родивсь, то тоди була ще царица: я довольно знаю, якъ вона бигла сюди,—тоди тутъ усе мыли (каменные столбы) ставили».

Иванъ Игнатѣвичъ ведетъ жизнь по истинѣ отшельническую: уже больше пятнадцати лѣтъ не пьетъ водки и не ѣстъ скоромной пищи. «Тильки мени й скорому (т. е. скорому), шо нампушки зъ медомъ, олія та молоко, а инколи хлѣбця мякенького пожухешь—отъ тоби и все». Съ виду Россолода довольно высокаго роста, худощавъ, держится немного сутуловато, носитъ узкую, средней величины, бороду, на головѣ длинные, густые волосы, едва только посеребренные сѣдиной. (См. табл. I). На мое удивленіе, какъ это Россолода, проживъ столько лѣтъ, почти не посѣдѣлъ, онъ отвѣтилъ: «У мене поридня така, та ще й то сказать вамъ, паничу: то пустый волосъ, шо сидый». Старикъ чрезвычайно богомоленъ: каждый воскресный и праздничный день онъ пѣшкомъ ходитъ въ церковь, что составляетъ въ оба конца около десяти верстъ: лѣтомъ живетъ отдѣльно отъ семьи въ «кельѣ», построенной въ саду надъ рѣчкой, на мѣстѣ отцовскаго зимовника. Своимъ аскетическимъ образомъ жизни и глубокою религіозностью онъ внушаетъ къ себѣ необыкновенное уваженіе всѣмъ своимъ односельчанамъ. Онъ говоритъ мало, потому что страшно устаеть, но за то весьма охотно и до крайности симпатично; по временамъ изъ его старческихъ глазъ капають горячія слезы... И слова столѣтняго старца звучатъ, какъ гласъ какого-нибудь ясновидца, какъ слова ветхаго деньми патріарха.

Перенося съ покорностью многія тягости настоящей жизни, старикъ Россолода жалуется лишь на бессонницу да слабость силъ. Бессонница сильно одолеваетъ его.

«Оце ляжешь спати, такъ не заснешь ни за що, а такъ лежишь, тай годи; и не знаешь, чи воно день, чи воно ничь, тилько шо заплющишь очи». Не мало страданій причиняеть старику и то обстоятельство, что ему почти невозможно лежать: «кысты болять, тилько й лежишь, шо на спинй, а на бокахъ такъ совсимъ неможно: оце на ладыжкахъ таки струпи пона-лежавъ, шо й доторкнутыця неможно. А ще гиршь менй уставати: Боже якъ важко! Тай очи плохи стали, у вечери бачу, такъ якъ скрызъ сито».

Было воскресенье, когда я явился къ Ивану Игнатовичу Россолодъ. Погода стояла на дворъ чудесная. Прошедъ изъ двора въ садъ, я увидѣлъ здѣсь небольшую хатку, въ видѣ куреня, и приблизился къ ней; оказалось, что это лѣтнее пребываніе Россолоды, извѣстное на его языкѣ подъ именемъ «келіи». Поздоровавшись и перекинувшись двумя-тремя словами о погодѣ, я тотъ же часъ приступилъ къ разпросамъ о житыѣ-бытыѣ запорожцевъ. Россолода, будучи предупрежденъ о приходѣ къ нему «запорожскаго пана» — такъ звали меня въ селѣ, охотно отвѣчалъ мнѣ на всѣ мои вопросы. Весь разказъ его записанъ мной буквально, въ нѣсколько приемовъ.

— Гай, гай, дидусю, яки жъ вы похили!

— А якъ же жъ мени, паничу, не бути похилому, якъ мене Господь держить на цимъ свити уже бильшь ста годъ!

— Це жъ, мабуть, Господь и держить васъ за-для того, шобъ знати мени одъ васъ те, шо треба.

— А шо жъ вамъ треба?

— Та треба мени роспитати васъ де шо про запорожцивъ; шо воно за народъ такій бувъ, якъ вони жили и де вони подились, шобъ по ихъ жисти и споминати ихъ.

— Се бъ-то, бачъ, правды у ихъ допытатыця?

— Такъ, такъ, любый дидуню, правды допытатыця у ихъ. А чи не чули про нихъ чого-небудъ?

— Якъ не чувъ, якъ мій батько та були ¹⁾ изъ тихъ самыхъ запорожцівъ.

— Онъ якъ!

— Такъ именно! Спершъ вони були у поміщикахъ, коли, чули, при отаману Перебийнису.

— Якъ не чути? Чувъ.

— Да, такъ ото вони були у поміщикахъ у пана отамана, бачили ту Сичу, може тамъ скільки разъ, ходили и на війну зъ козаками, а потимъ вышли изъ Сичи тай силы отуть саме, де й я сижу; тутъ вони и бурдюжокъ соби поставили, тутъ и одружились, а одружились уже старенькими,— такъ, мабуть, годъ шестьдесятъ имъ було. Найлюбіишимъ сыномъ бувъ у ихъ я. Оце було якъ загуляють, якъ запьють, то заразъ и кричать: — «Эхъ, Ясько, будешъ у мене запорожець!». Вони й водили мене по-запорожськи: обриють голову, то такъ и ходишь, якъ та салотовка.

— Чимъ же вони брили?

— Бритвою! Гостра така була, шо наче вони гладять, а не бриють.

— Такъ вы, диду, изъ настоящихъ запорожцівъ?

— Изъ настоящихъ запорожцівъ, та ще й самъ трохи запорожець, бо якъ крестили мене, то батько ще й пороху пидеыпали у купиль, щобъ загартувати, бачите, изъ самого малку,—уже така поведенція була у тихъ козакивъ.

— Ну, скажите же, любый дидуню, звидкиля ти запорожци набирались?

— Звидкиля набирались? Видо-всюды. Той звидтила приде, той звидтила приде, зъ десятка до двадцатка, а зъ двадцатка до тридцатка—та такъ цила сила и набиралась. У Сичъ приимали усякого, тилько мення переставляли: де хто съ-пидъ пана утече, приимуть; де хто одъ батька та одъ матери бижить, приимуть;

---

¹⁾ Малороссы объ отцѣ, даже и заглазно, говорятъ во множественномъ числѣ.

де якій жинку покине, приймуть; такъ абы, до Сичи докотывъ, то й живе тамъ, не выгонють. Заразъ ему чупрыну заведуть и готовъ, заразъ и зодягнуть. Оце прыйде бувало до запорожцивъ чоловікъ босый, голый, а воны его уберуть якъ пана. Та воно й дыва нема: у ихъ суконъ тихъ, одежи, такъ якихъ хочешъ сортивъ и скількô завгодно можно було достати. Отакъ воны и набирались. А инколи такъ и дитей хапали по городахъ: прыманють гостынчикомъ тай похопають. А вже на Сичи воля вольна: не захочешъ жити, иди соби хочъ заразъ. Прыйшовъ якось на Сичу городывыкъ, а у запорожцивъ саме писть бувъ. треба до церкви ходити. Ставь и винъ ходити; увесь писть ходе тай ходе. «А шо, батьку, уже мени обрыдло ходити!» — «А якъ обрыдло, то бери грошій тай йди». Дали ему три пуды миднякывъ, винъ и подавсь.

— А кому жъ воны дань платыли?

— Ажъ никому! Воны сами собою жили, — такъ, козаки, лыцари тай годи.

— И багато жъ ихъ, скажить, було?

— Точно доказати вамъ не докажу, — Богъ ихъ знае, а такъ якъ подумую соби, то, наче тысячъ двадцять и було, або й бильшь. Ёго сыла тяженна була, — того запорожця! Кажуть, будьто ихъ було сорокъ-сорокывъ, та це вже тоди, якъ воны выходили видциля. Треба було народу великого, якъ прывылля: велике було.

— А прывылля таки справди велике було?

— Прывылля такъ уже такъ, шо прывылля! Теперъ такого ни близько, ни далеко нема. Та шо теперъ? Теперъ такъ, шо волень та недоволенъ, а тоди такъ, шо и волень и доволенъ. Недаромъ же кажуть, якъ жылы мы за царыци, или паляныци, а якъ стали за царя, такъ не стало й сухаря. Теперъ якъ сказати, шо воно тоди було, такъ и не повирять. Тоди цвиты усяки цвилы, тоди травы велики рослы. Ось тутъ, де теперъ у насъ церква, такъ така була тирса, якъ оцей ципокъ, шо у мене въ руци, якъ глянешъ, такъ наче жито стоить; а ко-

мышь, якъ той лисъ,—позалека такъ и биліе. такъ и вылыскуетця. А шо вже пырїй, ковыла, мурава, орошокъ, курай, бурунчуки, то якъ увїйдышь у нихъ, такъ тилько небо та землю и выдко, — диты було гублятця вь трави. Оце пидниметця у гору, выросте, та впять и впаде на землю, та такъ и лежить якъ та хвѣля на мори, а поверхъ неи уже й друга росте. Якъ запалышь було їн. такъ вона недѣли три, або й чотыри горыть. Пидешъ косыть. косою не одвернышь, поженешъ пасты коней, то и не побачишь ихъ, загопишь воливъ, тильки роги мріють. Чи выпаде снигъ, чи настане зима. байдужысиньбо: хочъ якїй буде снигъ, а травы не закрые. Пустишь соби чи коня, чи товарику. чи овецъ. такъ вони такъ пу-стопашъ и пасутця, тилько коло отары и ходылы чабаньци; а якъ загопишь ихъ у траву, такъ вони помижъ нею наче комашня мріють,—тильки у вечери и вздрышь; тоди вже коло ихъ роботы,—выбирати тирсу, шо поналазе у вовну!.. А шо вже помижъ тією травою та разныхъ ягидъ, то й казати ничего. Оце якъ выйдешъ було у степъ та якъ розгорнишь траву, то полуныцю такъ и бери руками. Оціен погани, шо теперь поразвелась, ховрашкивъ та гусеныци. тоди и не чути було. Отъ якї тоди травы були!

А бжолы тіен? А меду? Медъ и по пасикахъ, медъ и по зимовникахъ, медъ и по бурдюгахъ такъ и стоить було улиповникахъ: сколько хочешъ, стилько и бери; бильшь усѣто видь дыгнхъ пчиль. Дика пчола скрызъ було сидить: и на комышахъ, и на вербахъ; де буркунъ, у буркунѣ, де трава, у трави. За нею и проходу не було: то було вырубаютъ душла, де вона сидить. А лїса того? Бузынина, свыдина, вербина, дубья, грушья! Грушь було якъ напада зъ гилли, такъ хочъ бери грабли та горны валки: такъ и лежать на соньци. пока не попечутця. Садки таки були, наче сукномъ покрыти.—такъ патока зъ нихъ и тече. А товщина лїса яка була? Вербы такъ їжи-Богу десять аршинъ у обхватъ... Земля свижїйша була, ништо їн такъ не вымогавъ, якъ теперь, сниги лежали велики, и воду пускали

велику, то и дерево росло добре. А звіру, а птыци? Вовки, дьсыци, барсуки, дьки козы, чокалки ¹⁾, выдныхи—такъ одинъ за однимъ и бжгать, такъ и пластають по степу. Вовквѣ така сыла була, шо ихъ кійками били, а зъ ихъ кожъ чоботы носили та кожянки робыли. А ижака̀ того, ижака̀?.. И казатиничого! Були ще й дьки свьни ²⁾, таки гладки та здорови; вони бильшь усего по плавняхъ шырыли. Оце якъ побачишь у плавни яку свьню, то скорійшь кидайсь на дерево, а то хрю! хрю! чмак! чмак! та до тебе, такъ рыломъ и пре; выставе морду впередъ тай слуха, чи не йде хто; якъ забаче чоловика, заразы до него, товкыць рыломъ! Зъ нигъ звале, тоди й давай рвати. Були й дьки кони; вони цылыми табунами ходили; косяка три-четыри такъ и ходять... А шо уже птыци було, такъ, Боже великій! Качокъ, лебедивъ, дроховъ, хохитвы, дькихъ гусей, дькихъ голубивъ, лелекъ, журавливъ, тытарвакивъ, курипьятъ,— такъ хо-хо-хо!.. Та все яки плодюци! Одна куришка выведе було штукъ двадцять пять курипьятъ за мисяць, а журавли якъ понаплодять дитей, то ходють та тилько крьокають. Стрепетивъ сильцями ловили, дроховъ волокомъ тягли, тытарваковъ, якъ настане ожеледица, дрюкамъ били. И шо то за сила тиен птыци була? Якъ пидниметця зъ земли, сонце застеле, а якъ сяде на дерево, то й гилля не выдко: самый комьяхъ высе; а якъ спуститця на землю, то вона, наче доливка, такъ и зачорние. А лебеди якъ заведутця битыця промижъ себе, то пиднимуть такій крикъ, шо батько було выскочуть изъ бурдюга та давай на ихъ стрелять, шобъ порозгонить, а вони пиднимутця въ гору та тилько порось-порось-порось!.. Нема теперь и тый силы рыбы, шо тоди була. Оця рыба, шо теперь, такъ и за рыбу не считалась. Тоди все чичуга, пистрюга, коропы та осетры за все одвичали. У одну тоню ии вытягали стилько, шо на весь

---

¹⁾ «Тойже вовкъ, тилько злийшій чадь вовка».

²⁾ «Звирь—схожій на дьсыцю, тилько живе въ води. На нему така кожа, наче искры сыплютця, а якъ погладышь, то внять такъ и вылищуетця». Очевидно, рѣчь плеть о рѣчной выдрѣ.

куринь ставало. Та все тоди не такъ було. Тоди и зимы теплїишь були, нижъ теперь,—це вже кацаны своїми лаптами поносили до насъ холода, а тоди его не дуже чути було. Видь того тоди и сына никто не запасавъ, хїба тилько якъ думали йти у походъ, то для тихъ коней шо пидъ-верхомъ ходили. Тоди и урожай луччи були. — хочъ и сїязи трошки, а родило богато: якъ чотыри мишка посїе, такъ триста кишъ нажне, треба було висимъ женъцивъ, шобъ зняти те все до Покровы. Батю мїй, и де воно те все подлосъ? И очамъ своимъ не вирю! Ось тутъ, де теперь наша Чернышівка, тутъ ни однисенькою хаты не було, одно тильки батькове привилля, а теперь де той и народъ набрався и коли винъ те все повыводивъ. Теперь и вода перемиряна, и земля переризана, а шо вже до лїса, то и казати ничого: шо на саны, шо на полудрабки, шо на оліїнниці, то на те, то на се, та такъ усе и повырубували. Де пряменьке, гарне та миценьке деревце, то его заразы же й звезуть. А тутъ якъ пишла ще по лїсу товарижа, то и пенькивъ не зосталось, а шо циє було, то позасыхало, то попрододало. Тай сама скоты— на ходе якъ нежива... Якъ повырубували лїса, пишла на села мошка; за нею теперь и свита божого не выдко, а бидній скотыни такъ и отдыха нема: такъ и ходе уся облита кровью. Теперь дайте вы отїй свыни, шо ходе, шматокъ хлїба, то вона й здохне одъ него. А чого? Не прывыкла исти!.. Та все теперь перевелосъ: гадюкъ не стало, повыорали, а въ болотахъ и жабъ не чути, повыздыхали, тай болота теперь чи есть.

— Такъ отъ якъ воно було! Ну, а якъ же запорожци распорязались тїєю землею?

— Такъ распорязались, шо вона у ихъ була вольна, обтова; такъ, де хто оббере соби мїсто, де кому охота прыпаде, тамъ и сїда, де хто живе, тамъ и владїе: ты живешъ тутъ, такъ тутъ и владїй, а ты живешъ тамъ, такъ тамъ и владїй. И Боже мїй, и батечку мїй, одинъ одъ другого оре на двадцять веретъ! Такъ и жили запорожци. Оце выкопа соби землянку, заведе яку-небудъ худобину тай кочує. Тилько такїй зветця

уже не лыцаремъ, и не товаришемъ, а сыднемъ, або гниздюкомъ. Такъ таки й звутця: сыдни тай сыдни, гниздюки тай гниздюки. Воны були жонати, дитокъ малы соби, а жили такъ соби по пять, по десять чоловікъ, розводили худобу, занимались охотою: той пидстереже козу, той убье кабана, та нанесуть махану того, шо цила беда. До нихъ прыходють уже де яки изъ Сичи тай харчуютця. Гниздюки и пасники розводили, и медъ готували. Худоба ото саме ихъ и богатство, а зъ Сичи воны вже паю ниякого не брали. Сичовыек-то вже особа статья. Воны жили такъ, шо ихъ и не вгадаишь: сегодня тутъ, у Сичи, а завтра Богъ знае де по степахъ, по балкахъ та по выбалкахъ; зберутця у ватаги тай чимчигуютъ, куды треба. Ци вже на війни розживались. Розбивали разни городы, лядьски та турецки, и забирали тамъ шо тилько можно було забрати.

Бильшь усёго воювали турка та шматували татарву,—сусидське дило: татары жили на тимъ боци (лѣвомъ) Днипра, а запорожци на цимъ (правомъ), такъ видъ того частенько приходилось имъ битця промижъ собою. А сварка бильшь усего изъ-за коней була: то козаки перегонять до себе косякъ татарскихъ коней, то татары переправлять до себе косякъ козацкихъ коней. Якъ татары украдють у козакивъ коней, то й слидъ метлами заметуть, шобъ не видко було, якъ шукати, а якъ козаки украдють коней у татаръ, то сядуть на той слидъ тай..... шобъ бачила паскудна татарва, хто у неи коней побравъ. А съ турками такъ усе за виру бились. Батько було частенько розказують про ти баталіи козакивъ съ турками. Оце, кажуть, якъ ускочють запорожци у який-небудь турецькій городъ, то першь усего норовлять, шобъ запалити его зъ трехъ сторонъ. Запалють зъ трехъ киньцивъ, а на четвертый постановлять тай ждуть, поки бигтимуть турки: якъ тильки бижить який-небудь, то заразь же й кладуть его на мисти. Отакъ обкерешують сперше турокъ, потимъ перебьють туркенъ, а тоди вже берутця за турчатъ. Якъ ускочивъ запорожець у турецьку хату, то заразь дывытця у пичъ, чи